

На правах рукописи

Мартьянов Виктор Сергеевич

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА МОДЕРНА**

Специальность 5.5.1 – История и теория политики

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора политических наук

Екатеринбург – 2023

Работа выполнена в отделе философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.

**Официальные
оппоненты:**

Алексеева Татьяна Александровна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующая кафедрой политической теории Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Каспэ Святослав Игоревич

доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Макаренко Виктор Павлович

доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Центра политической концептологии Института философии и социально-политических наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»

**Ведущая
организация:**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится «03» октября 2023 г. в 15 часов 00 минут на заседании Диссертационного совета 24.1.143.05 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института философии РАН, а также на сайте: <https://iphras.ru/dissertations.htm>.

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета 24.1.143.05,
к. полит. н.

В.Л. Шарова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность исследованию придает то обстоятельство, что нарратив Модерна, определивший научную программу общественных наук, методы познания и способы легитимации современных обществ, продолжает подвергаться критике с разных позиций и, в связи с этим, претерпевать существенные изменения. Его эволюция определяется комплексными процессами глобализации, которые связаны с необходимостью доказательств истинности любых социально-политических теорий уже не в масштабах отдельных наций или цивилизаций, а с настойчивым требованием их релевантности во все более взаимосвязанном мире.

Вместе с тем анализ актуальных социально-политических трансформаций Модерна позволяет утверждать, что равновеликих ему в глобальном масштабе альтернатив не появилось. В центре ключевых дискуссий социально-политических наук продолжает находиться трансформация нарратива Модерна. Критически охватить эпоху можно лишь тогда, когда она перешла из области политики как *заботы о будущем* в область истории. Пока же Модерн вопреки своим критикам продолжает оставаться системообразующим нарративом. Конец биполярного мира, консервировавшего первый Модерн, выразился, с одной стороны, в деуниверсализации оснований либерального консенсуса, с другой – в разочаровании относительно возможностей глобального левого поворота, олицетворением которого для многих был СССР.

Актуальные политические трансформации в постбиполярном мире все менее эффективно описываются классическими дискурсами современных идеологий. Первоначально выглядевшие убедительно концепции, институты, практики Модерна в контексте разнообразных изменений общества не являются окончательными в своих существенных чертах. Демократия, капитализм, либерализм, свобода, справедливость и иные понятия, составляющие политический нарратив Модерна, обнаруживают перманентный конфликт ценностей и интересов внутри *большого общества*. И разрешение всех этих конфликтов означало бы конец политики в ее модернистском понимании как публичного столкновения коллективных субъектов, неразрешимого неполитическим путем.

Таким образом, актуальность дискуссий о политическом нарративе позднего Модерна только нарастает, поскольку окончательного общественного консенсуса относительно целей и возможных путей развития длящейся эпохи Модерна достичь не удастся. Необходимо учитывать, что всякое окончательное определение длящейся современности в лучшем случае является лишь следствием постоянно меняющегося социального консенсуса. И это определение невозможно без предъявления той партикулярной позиции в координатах социально-политического, экономического и исторического пространства, из которой оно мыслится.

Если глобальный социальный эксперимент Модерна еще не закончен, то базовые политические координаты Модерна сохраняют свою актуальность и релевантность. С другой стороны, все более частые попытки осмысления эпохи

Модерна как *исторической* свидетельствуют о том, что она в своих ключевых чертах завершается, постепенно становится *овеществленной историей*, полем философских обобщений. Тем не менее в настоящее время в политической мысли продолжают доминировать познавательные модели, институциональные и этические механизмы согласования общих целей и интересов внутри политического сообщества, опирающиеся именно на нарратив Модерна. Поэтому представляется, что человечество в ближайшем будущем останется в открытом для изменений проекте Модерна, а изучение эволюции его нарратива, связанной с бытийными переменами, разнообразными вызовами и угрозами, останется одной из наиболее актуальных задач современной политической мысли.

Степень научной разработанности темы. Неоспоримым политическим итогом XX в. стало то, что в течение столетия социально-политический порядок современного общества охватил подавляющую часть человечества. Получив критическую интеллектуальную прививку постмодернистских теорий, политический нарратив Модерна, объясняющий и легитимирующий указанный порядок, продолжает развиваться. Более универсальных и эгалитарных утопических альтернатив человечество все еще не изобрело. Поэтому периодические поминки по Модерну в общественных науках неизменно оказываются преждевременны. На смену историческому европейскому нарративу Модерна эпохи наций-государств и индустриального подъема приходит нарратив глобального Модерна, обобщающий возможности и препятствия для человечества в XXI столетии.

В настоящее время осуществляются достаточно убедительные попытки реконструирования генезиса нарратива Модерна в *долгом историческом времени* (понятие Ф. Броделя). Например, Ю. Хабермас с философских позиций трактует его становление как целый ряд разрывов, имевших место в долгой европейской истории, в которых дух Модерна отвоевывал свою самостоятельность и уникальность у классических образцов Античности. Модерн описывается Ю. Хабермасом как культурно-философский проект, обретающий «форму критики разума» и ассоциирующийся с новым типом рациональности, инициированным Просвещением и противопоставившим себя предшествующей традиции. Д. Белл рассматривает ключевое свойство Модерна как «принятие открытости миру», связанное с постоянством перемен, перестающих оцениваться как социальное зло. Достаточно близкой интерпретации Модерна (*Modernité*) придерживается Ж. Бодрийяр, у которого появляется его образ как *новой традиции* контролируемых перемен динамического мира, постоянно изменяющегося, но тем не менее не доходящего до слишком радикальных перемен, способных разрушить созданный им новый мир в пользу новых альтернатив. Отсюда возникает непреодолимая теоретическая неуверенность и незавершаемость нарратива Модерна как подвижной констелляции современных утопий и идеологий, при невозможности их метанарративной интеграции, надежды на которую Ж.-Ф. Лиотар связывал с состоянием постмодерна.

Исследователей, занимающихся изучением эволюции нарратива Модерна, можно условно разделить на группы в зависимости от ценности тех или

иных факторов, которыми они пользуются в своей аргументации. Для одних Модерн преимущественно синонимичен онтологии капиталистической миросистемы, для других – относится к прошлому и истории, для третьих характерна его интерпретация в качестве особой культуры или цивилизации.

Первая группа тяготеет к классическому экономикоцентричному и классовому анализу нарратива Модерна в виде совокупности политических идеологий и утопий, конфликта их ценностных оснований, представленных как отражение столкновений интересов социальных сил, укорененных в капитализме. Эти исследования опираются преимущественно на фундаментальные работы К. Маркса, К. Манхейма, А. Грамши, Г. Маркузе, П. Бурдьё и др., где обосновывается возникновение нарратива Модерна из новой общественной онтологии, важнейшей составной частью которой является капитализм и порождаемая им классовая структура общества. Более того, в рамках методологии неомарксизма альтерглобалистами производятся последовательные попытки описывать современные противоречия глобального Модерна как классовые экономические конфликты центра и периферии капиталистической миросистемы. В частности, значительным этическим зарядом обладают работы исследователей, выступающих за левые, коммунитарные механизмы глобализации Модерна – С. Джордж, А.В. Бузгалина, Б.Ю. Кагарлицкого, А. Каллиникоса, Э. Лакло, Ш. Муфф, Ф. Джеймисона, С. Жижека и других авторов, придерживающихся неомарксистского или постмарксистского видения глобального мира.

Для второй группы авторов нарратив Модерна представляется соотнесенным с исторически закрытой эпохой, относящейся к прошлому, а не к настоящему, интерпретируемому как состояние постмодерна. Типична, например, точка зрения А.Г. Дугина, который рассматривает Модерн лишь как пройденную историческую парадигму по линии премодерн (традиционное общество) – модерн (Новое время) – постмодерн, анализируя политическое настоящее как преимущественно постмодерн. Убедительные образцы ценностной и методологической критики нарратива Модерна можно найти в работах Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Джеймисона и др. Так, Ф. Джеймисон утверждает, что интеллектуальная карта Модерна в политической теории во многом выработала свой эвристический потенциал, фактически став синонимом капитализма. Но и постмодерн не стал глобальной утопией, бросающей истинный вызов Модерну. Трансформация нарратива Модерна в процессе глобализации современного общества не привела к вытеснению его базового ценностного ядра новыми теориями, описываемыми как постмодернистские, поскольку подавляющая часть этих теорий оказались заведомо менее универсальными, чем проект Модерна. И радикальная онтологическая глобализация состояния Модерна в отсутствие значимых концептуальных альтернатив фактически оспорила постмодернизм в качестве более универсального нарратива, который мог бы прийти на смену Модерну.

Помимо наиболее влиятельной, постмодернистской ветви критиков Модерна, заявляющих о крушении Модерна как *культурного метанарратива* (Дж. Томпсон) или эпохи господства метанарративов как таковых (Ж.-Ф. Лиотар), су-

ществует целый ряд онтологических критических концепций, ставящих под сомнение не только релевантность идейных оснований Модерна, но и предсказывающих поворот глобального человечества к новым механизмам самоорганизации. Таковы, например, концепции постмодерного будущего, связанные с технологическими изменениями – постиндустриального общества, постфордизма (С. Лэш, Дж. Урри), сетевого общества (М. Кастельс, А. Бард), информационного общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Уэбстер, В.Л. Иноземцев), креативного общества (Р. Флорида, Ч. Лэндри) – имевшие значительное влияние на общественную мысль в конце XX в. Представляется, что перечисленные теории были слишком поспешно фундированы на основании переоцененных тенденций общественного развития, которые обернулись локальными политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Теории информационного общества, общества знания, креативного класса оказались и наивно оптимистичными, и со слишком ограниченной социальной базой. Поэтому теории постиндустриализма, информационного или сетевого общества остались скорее желаемым образом будущего, чем реальным состоянием даже самых развитых современных обществ.

Наконец, альтернативная двум предшествующим (связанным с аргументацией как сохранения онтологии классово-национального Модерна, так и его исторической преодоленности) исследовательская позиция заключается в том, что актуальные трансформации нарратива Модерна можно представить как результат исторической и идейной эволюции капиталистической миросистемы, когда ее более поздние политические версии все значительнее отличаются от классического инварианта национального Модерна и его теоретических обоснований, связанных с привычными категориями нации-государства, гражданского общества, идеологий и классов. В рамках такой парадигмы выдержаны работы, в которых исследователи пытаются очертить этические и институциональные основания постнационального нарратива Модерна.

Внутри этого подхода можно выделить несколько направлений, которые рисуют контуры: а) космополитического нарратива Модерна, б) цивилизационного нарратива Модерна, или в) социокультурного нарратива Модерна, пытающегося синтезировать два предшествующих.

Сторонники преобразования национального Модерна в космополитический в традициях формационного подхода и марксистской философии истории пытаются выделить закономерности общественного развития постнационального Модерна, характерные для всего человечества. Сторонники движения к «плоскому миру» и «концу истории» аргументируют универсальность современных ценностей и институтов для всего мира вне зависимости от культурных особенностей предшествующего развития. Эта позиция этического и политического объединения человечества через процессы глобализации как стирания домодерных культурных различий последовательно отстаивается Дж. Бхагвати, Ф. Фукуямой, У. Бекком, Т. Фридманом, И. Валлерстайном, А. Мэддисоном, А. Туреном, В.Л. Иноземцевым и другими авторами. В их работах обосновывается тезис, что длящийся Модерн может быть адекватно объяснен только изнутри собственного нарратива, легитимирующего политический проект современности. И если

мы не можем объяснить разнообразие институтов в логике нарратива самого Модерна, то тем более это не получится в рамках более локального и иррационального дискурса нации (национальной культуры) или цивилизации, который нарратив Модерн вытеснил в область истории. Например, Э. Гидденс рассматривает глобализацию как процесс ценностной радикализации Модерна, охватывающий весь мир. Этот переход характеризуется возрастающей динамикой социальных изменений и триумфом индивидуальности, радикально освобождаемой от внешних регуляторов и выражаемой ростом осознанной или «рефлексивной» социальности, приходящей на смену социальности, регулируемой обществом. Глобализация предстает как «мегатенденция», которая все более принимает незападный вид, охватывая мир в целом и бросая вызов привычной системе наций-государств.

Оппонирующая группа исследователей в условиях последовательного ослабления территориальных наций-государств как форм политической организации национального Модерна склоняется к обоснованию приоритетности фактора культурных различий. Этот фактор не позволяет выделить общие ценностные основания общества постнационального (глобального) Модерна. Соответственно, они предпочитают описание глобального политического порядка как состояния множества цивилизаций либо в более мягкой версии – культурного плюриверсума версий Модерна. Наиболее последовательно данная позиция реализуется в работах Ч. Тейлора, С. Хантингтона, П. Бьюкенена, Дж. Томпсона, которые придерживаются позиций доминирования предшествующих традиций и культурных различий разных обществ в обосновании стратегии их развития в условиях глобализации Модерна. В российской политической мысли данный дискурс является довольно популярным. Его разделяют известные представители культурно-цивилизационного подхода – Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов, В.К. Пантин, В.Л. Цымбурский, А.С. Панарин, М.З. Юрьев, А.Г. Дугин и др.

Наконец, еще одна группа исследователей пытается найти довольно спорный и непоследовательный, а потому критикуемый с разных сторон компромисс между цивилизационным и космополитическим нарративом Модерна. Они пытаются разработать так называемый социокультурный подход, выраженный в концепции *множественной современности* (Ш. Эйзенштадт, В. Шлюхтер, Б. Виттрок, Й. Арнасон, М.В. Масловский, С.В. Акопов и др.). Социокультурный подход пытается объединить универсализм ценностей Модерна, закономерности человеческого развития, выходящие за пределы любых цивилизаций, с очевидным различием институциональных моделей их реализации. Уязвимость методологического компромисса, заложенного в концепции *множественной современности*, состоит в том, что Модерн в виде соревнования разных культурных программ превращается в попытку предложить некие объясняющие общество *цивилизационные модели* Модерна, детерминированные историко-культурными особенностями мировых цивилизаций. А значит, Модерн не упраздняет предшествующие ему исторические цивилизации, наоборот, цивилизации становятся модерными, не утрачивая своих непреодолимых культурных различий.

Множественность модерности превращается в сохраняющееся множество цивилизаций в эпоху Модерна, совокупность не связанных между собой модерностей.

Таким образом, дискуссии относительно политического нарратива Модерна далеки от формирования устойчивого исследовательского, (ценностного и методологического) согласия в связи с тем, что предмет исследований продолжает испытывать значимые трансформации. Современное общество формируется в виде совокупности взаимосвязанных фоновых тенденций, возникающих одновременно, воздействующих сразу на многие стороны и области жизни общества, составляющих его группы и отдельных людей. Расширение и легитимация этих тенденций, типов ресурсных обменов, ценностей, морали, способов стратификации и т.д. постепенно формирует ценностно-институциональное ядро современного общества и политический нарратив Модерна как имманентный способ его описания, познания и легитимации. В этом смысле остается значимой методологическая проблема невозможности избежать тавтологии определения современного общества через его нарратив и наоборот, т.к. это взаимосвязанное целое современного общества в его бытийном и рефлексивном измерениях. Любая сравнительная перспектива извне Модерна оказывается малорелевантной, поскольку длящийся Модерн как политический проект формирует свой нарратив и базовые ценностные координаты, посредством которых он убедительно оценивает и описывает себя. Обращение к домодерну в подобной перспективе всегда будет обусловлено актуальной проекцией современных представлений, ценностей, институтов и практик, среди и посредством которых мы мыслим и существуем. Вытеснение же Модерна вероятным альтернативным проектом в свою очередь нивелирует всю систему самоописания современного общества в пользу новых ценностно-институциональных координат. В результате, как убедительно замечает Б.Г. Капустин, «в нормативном отношении Современность конституируется саморефлексией, самоинтерпретацией и самообоснованием (генерированием собственных принципов из себя самой) и тем изменением статуса традиций, при котором они “вынуждены объяснять себя, становиться открытыми для вопрошания и дискурса”»¹.

Комплексному осмыслению политического нарратива Модерна не уделено серьезного внимания в имеющихся исследованиях. Нарратив Модерна в рамках доминирующего позитивизма как тавтологичного языка господствующих классов казался интуитивно понятным, не требующим рефлексии своих оснований, а сам термин «Модерн» активно разрабатывался скорее в области культурологических и искусствоведческих исследований, связанных с художественными течениями и стилями конца XIX – начала XX вв. Несмотря на широкий спектр литературы, посвященной выбранной тематике, можно говорить об отсутствии прочного консенсуса исследователей относительно исторического начала, идейного содержания и направлений эволюции современного общества. Более того, определение того, что являет собой политический нарратив Модерна, выступает предметом принципиальных методологических и идеологических дискуссий в области политических наук и политической философии.

---

¹ Капустин Б.Г. Политические смыслы «цивилизации» // Политическая концептология. 2009. № 3. С. 41.

Научная проблема исследования. Научная проблема состоит в базовом противоречии, которое заключается в том, что политический нарратив Модерна – самописание модерного общества как универсальной теоретической модели – парадоксальным образом постоянно подрывает сам себя, вырабатывая все более сложные понятийные дифференциации и различия, во многом следующие за переменчивой политической онтологией современных обществ. Нормативное масштабирование этого самописания на все современные общества не привело к снятию постоянно возникающих внутренних противоречий и парадоксов, обусловленных исторической открытостью и темпами социальных изменений Модерна.

Политический нарратив Модерна – структура самореферентного описания (автопойесиса) общества в виде объяснения, легитимации и самокоррекции ценностно-институциональной иерархии с целью консолидации базовых социальных групп и стабильного воспроизводства политического порядка, позволяющего удерживать общество от распада посредством широкого признания его ценностного ядра и поддерживающих его функционирование институтов и коллективных практик.

В процессе исторического развертывания и глобализации Модерна идеи и ценности, составлявшие его исходную либеральную утопию, были частично, непоследовательно и противоречиво воплощены, подвергаясь постоянной критике, усложнению и дифференциации вслед за онтологическими изменениями модерного общества и конфигураций его ключевых социальных групп. Тем не менее, система исходных ценностных координат Модерна и ее институциональных воплощений, постоянно адаптируемая к общественным изменениям, остается доминирующим способом самописания, легитимации и воспроизводства социально-политического порядка современных обществ. В ходе исторической эволюции нарратив Модерна посредством механизмов дифференциации и компромисса смог включить в свою структуру множество критических дискурсов, претендовавших на альтернативу ему.

Объект исследования – совокупность ценностных и институциональных оснований политического нарратива Модерна.

Предметом исследования выступает трансформация способов и субъектов обоснования и критики ценностно-институционального ядра политического нарратива Модерна в их исторической динамике и взаимосвязи.

Целью исследования является теоретико-методологическая реконструкция ценностно-институциональных оснований Модерна, позволяющая выработать эвристическую модель самописания и легитимации модерного политического порядка, а также аргументировать вероятные факторы и направления его дальнейших изменений.

Достижение поставленной цели требует решения следующих исследовательских задач:

- провести сравнительный анализ исторических и ценностных факторов возникновения и становления политического нарратива Модерна;

- рассмотреть теоретические интерпретации нарратива Модерна, его ключевых объясняющих понятий и ценностей, связанных с базовым либеральным консенсусом и его исторической динамикой;
- охарактеризовать особенности имплементации социальных изменений и противоречивую роль революции, одновременно легитимирующей и опровергающей политический нарратив Модерна;
- проследить историческую динамику политической онтологии современного общества, детерминирующей эволюцию политического нарратива Модерна;
- осуществить комплексный анализ нормативно-теоретической критики и этических вызовов политическому нарративу Модерна;
- выявить факторы и закономерности изменений и легитимации ценностных оснований политического нарратива позднего Модерна;
- определить возможные направления дальнейшей трансформации политического нарратива Модерна в контексте нарастающего кризиса западного политологического мейнстрима;
- исследовать трансформирующий потенциал глобальных вызовов Модерну, связанных с изменением социальной структуры, принципов политической регуляции и дифференциацией способов распределения общественных ресурсов.

Теоретико-методологическая основа исследования. Теоретико-методологической посылкой исследования является тезис о том, что политический нарратив Модерна выступает наиболее релевантным (убедительным) способом объяснения и легитимации социально-политического порядка, его ценностных оснований и институциональных иерархий. Его историческая трансформация определяется факторами и закономерностями становления и позднейших изменений политического, социального, экономического и культурного порядков современного общества. В настоящее время отсутствуют значимые альтернативы, обладающие той же степенью универсальности и системности самоописания закономерностей функционирования современных обществ.

Осмыслению ценностно-институциональных особенностей исторического становления и трансформации Модерна посвящены значимые работы П. Андерсона, Й. Арнасона, П. Бергера, П. Бурдьё, П. Вагнера, Э. Гидденса, Ф. Джеймисона, Р. Инглхарта, Л. Колаковского, Г. Леманна, Н. Лумана, Н. Музелиса, А. Турена, У. Томпсона, Ч. Тейлора, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Д. Харви, Э. Хобсбаума, М. Циммера, П. Штомпки, А. Этциони и др. Большинство исследователей сходятся в том, что онтологически общество Модерна в значительной степени связано с капитализмом, а особенности его ценностно-институциональной организации обусловлены необходимостью поиска способов обоснования существования современных принципов и институтов, разрушающих феодальное общество и его этические основы. Наиболее последовательно эту позицию выражают сторонники миросистемного подхода – С. Амин, Дж. Арриги, И. Валлерстайн, Г. Дерлугьян, А.Г. Франк и др., рассматривая политический нарратив Модерна сквозь призму теории исторической миросистемы.

В рамках данного подхода современный политический нарратив рассматривается как способ теоретической интерпретации и идеологической легитимации

политического общества в условиях развертывания капиталистической миросистемы. Расцвет и мировую экспансию этого нарратива и соответствующих ему принципов социальной стратификации и институциональной организации политики можно условно датировать периодом от Великой французской революции до конца биполярной миросистемы. Конец биполярности стимулировал этапную трансформацию нарратива Модерна, что отдельные исследователи слишком поспешно отождествили с *концом истории* (Ф. Фукуяма) или вовсе с *концом политического* (Ж. Бодрийяр). Фоновые процессы глобализации позднемодерного политического порядка предстают как двойственный процесс, который, унифицируя способы институциональной политической организации человечества глобально, все чаще сталкивается с разного рода культурными, историческими, экономическими и иными вызовами, которые релятивируют универсальность политического нарратива Модерна.

В российской политической мысли анализом различных аспектов Модерна и его культурно-исторической трансформации занимались такие известные исследователи, как Т.А. Алексеева, Л.Е. Бляхер, А.В. Бузгалин, А.Г. Глинчикова, М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев, Б.Ю. Кагарлицкий, С.И. Каспэ, С.А. Кравченко, В.С. Малахов, О.Ю. Малинова, В.П. Макаренко, В.М. Межуев, М.О. Мнацаканян, И.И. Мюрберг, И.К. Пантин, О.Ф. Русакова, А.М. Салмин, А.Д. Трахтенберг, М.А. Фадеичева, М.М. Федорова, В.Г. Федотова, А.Ф. Филиппов, Л.Г. Фишман, М.Б. Хомяков, В.Н. Шевченко и др.

Отдельно можно отметить работы Б.Г. Капустина, критически проанализировавшего идейный вклад в формирование нарратива Модерна как классиков политической мысли (Г. Гегеля, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и др.), так и современных мыслителей (Ч. Тейлора, Ю. Хабермаса и др.). По мысли исследователя, нарратив *Modernity* предстает как объект постоянного осмысления политической теории, не сводимый ни к капитализму, ни к демократии, ни к рационализму или иным институциональным воплощениям и идеологическим концепциям, образуя незавершенную ситуацию Современности. Представляется, что значительным эвристическим потенциалом обладают труды Л.Г. Фишмана, обосновавшего принципиально новую классификацию политических учений Модерна и постмодерна, не сводящуюся к классическим идеологиям и утопиям в интерпретации К. Мангейма. Фундаментальные методологические и исторические выводы относительно генезиса Модерна в контексте проблематики диссертационного исследования аргументированы в ряде работ С.И. Каспэ. Используя структурно-функциональный метод Э. Шилза, он убедительно доказывает исторический ценностный евроцентризм нарратива Модерна, доминирование в нем фоновых христианских ценностей и западной политической формы, определенной наследием Западной Римской империи.

В последнее время значительное внимание исследователей уделяется стратегиям встраивания отдельных политических сообществ, в том числе России, в глобальный Модерн, которые одновременно являются способами социального конструирования последнего. В данном контексте можно отметить работы А.Ю. Согомонова, Е.Т. Гайдара, А.В. Рябова, В.Л. Иноземцева, В.А. Куренного,

В.Г. Федотовой и др. В указанном проблемном поле складывается базовый консенсус относительно того, что различные варианты изоляционизма, деглобализации и исключения из мироэкономики являются маловероятным вариантом, поскольку влекут маргинализацию и отставание от других обществ.

Диссертационное исследование в своих методологических основаниях опирается преимущественно на принципы миросистемного подхода, согласно которым современные социально-политические, экономические и культурные процессы обусловлены историческими закономерностями появления, становления и возможного упадка капиталистической миросистемы. Соответственно, закономерности развития конкретных обществ и сфер их жизнедеятельности рассматриваются как производные от фоновых процессов, происходящих в капиталистической миросистеме. В частности, в отечественной политической мысли миросистемный подход для объяснения факторов трансформации российского общества эффективно реализован в обобщающих исследованиях Б.Ю. Кагарлицкого, В.В. Цыганкова и В.Г. Хороса.

Предлагаемые методы исследования связаны с анализом факторов трансформации ценностных оснований современного общества и легитимирующих его политических нарративов в контексте методологического принципа самореферентности социальных систем. Поставленные задачи решались с использованием методов и подходов, обусловленных спецификой объекта и предмета исследования. Использовались наблюдение, обобщение, сравнительный и статистический анализ, данные социологических исследований. Применялись методы социального конструктивизма, структурализма, метод теоретического моделирования, сравнительно-исторический анализ.

Научная новизна исследования. Политический нарратив Модерна первоначально структурировался и консолидировался как либеральная утопия, призванная легитимировать жизненные интересы и расширить перспективы самореализации третьего сословия, составляющего подавляющее большинство населения. В ходе исторического воплощения эта утопия трансформировалась в принципиально новую систему ценностно-идеологических координат – исходный классический либерализм, превратившийся позже в дифференцированное и противоречивое самописание (идеологии и утопии, социальные науки) современного политического порядка. Политический нарратив Модерна в ходе исторических видоизменений не был вытеснен альтернативным политическим нарративом соразмерного уровня универсальности, легитимности и релевантности. Он остается наиболее убедительной структурой самописания незавершенного проекта Модерна и закономерностей его исторической трансформации. В исследовании описаны ценностные и онтологические факторы эволюции политического нарратива Модерна. Показано, что в позднемодерная версия нарратива и его возможные будущие сценарии имплементируют многие идеи и ценности, которые в первоначальных версиях Модерна были отодвинуты на его периферию или выступали в качестве возможных альтернатив.

В процессе исследования были получены следующие результаты, обладающие **научной новизной:**

- предложено описание факторов становления и последующей трансформации политического нарратива Модерна, обусловленное историческими и онтологическими закономерностями трансформации современного общества. Это позволило релевантно реконструировать динамику ценностно-институционального ядра Модерна и противоречивых факторов, влияющих на его эволюцию;

- предложена новая содержательная интерпретация понятий ренты, рентно-сословного социального порядка, политического нарратива, Модерна, позволяющих более убедительно описывать происходящие в современных обществах политические процессы и изменения;

- обосновано теоретическое положение о ценностном единстве и институциональной вариативности политического нарратива Модерна, который достаточно универсален и однороден нормативно в виде дифференцированного спектра современных идеологий и утопий, имеющих в своей основе классический либерализм, но при этом гетерогенен в институциональном плане, в области реализации своего ценностного ядра. Эта конкуренция версий политического нарратива Модерна является условием его гибкого и недогматического развития в глобальном мире;

- выявлены наиболее существенные противоречия политического нарратива Модерна, связанные с его функциональным подчинением задачам легитимации или познания при описании закономерностей, механизмов и принципов воспроизводства современных обществ. Функция легитимации связана с сюжетом о расширении рыночных обменов, которые синонимизируются с идеями прогресса, блага, расширения прав и возможностей, демократии и всех иных позитивных членов бинарных оппозиций. Познавательный нарратив рисует альтернативную иерархию политического порядка, в которой ключевым фоновым изменением Модерна является расширение и интенсификация регуляции всех социальных процессов со стороны государства (дисциплинарные режимы повседневности, распределение ресурсов, дифференциация ценности граждан, массовая мобилизация и обучение и т.д.);

- предложена концептуальная система аргументов, согласно которой исторически нарратив Модерна являлся способом сгладить моральный кризис христианства в основе традиционного общества в условиях масштабирования капиталистической миросистемы; отсюда следует, что в последующем конструирование политического нарратива Модерна позволило восполнить моральный дефицит и ограниченность капитализма и его несовместимость с традиционными социальными регуляторами, сделав подобную жизнь приемлемой для большинства, несмотря на присущие капиталистической миросистеме конфликты и противоречия;

- аргументирована модель неизбежного возникновения ценностной повестки и онтологии нарратива Модерна для всех обществ, осуществляющих вслед за Западом долговременные фоновые переходы от цивилизации деревни к цивилизации города. Политический нарратив Модерна является способом ответа на вызовы подобного перехода и одновременно его результатом;

- выявлено, что в ходе глобального масштабирования исторические преимущества Европы как родины Модерна не гарантированы в будущем, а издержки модернизации нигде в мире не обернули нарратив Модерна вспять, несмотря на разного рода локальные и временные откаты от Модерна, а также популярность цивилизационных теорий;

- разработано новое концептуальное обоснование процессов фоновой глобальной ценностно-институциональной консолидации современных обществ, которые становятся все более схожими в своих доминирующих ценностных и институциональных иерархиях. Это более не позволяет убедительно противопоставлять их по принципиально разным основаниям политических классификаций западного мейнстрима, выстраивающих все менее убедительные морально-идеологические иерархии;

- спрогнозирована гипотетическая модель, предполагающая, что в ближайшем будущем в глобальном контексте объясняющий и легитимирующий потенциал политического нарратива Модерна связан с возможностью достройки актуальной мирозкономики до мирополитики, которая с помощью более эгалитарных институтов и технологий интенсифицирует политическое взаимодействие разных обществ и регионов;

- выдвинуто теоретическое положение, что ценностная структура политического нарратива Модерна, сформированная в XIX в., все менее эффективна в глобальном мире XXI столетия. Соответственно, возникают закономерные намерения политических субъектов либо усовершенствовать нарратив позднего Модерна, либо выйти за его пределы. Однако в последнем случае вместо вытеснения нарратива Модерна постмодерном или иным альтернативным нарративом можно говорить о последовательном включении постмодернистских теорий в сферу критической саморефлексии Модерна;

- установлено, что наиболее вероятное направление трансформации нарратива Модерна определяется нарастающей взаимозависимостью человечества и онтологией глобального Модерна как образа открытого для изменений общества, где *политическое* является предметом посюстороннего, постоянно пересматриваемого и рефлексированного согласия социальных групп, обладающих высокой автономией в области конструирования, коррекции и продвижения своих ценностей, интересов, правил и форм политической организации общества в целом;

- определены задачи политической философии и теории, связанные с осмыслением запросов значимых классов на совершенствование нарратива Модерна, легитимирующего новые социальные группы и назревшие социальные изменения относительно правил совместного проживания, иерархий ценностных приоритетов и выработки критериев справедливого распределения доступных ресурсов;

- сделан прогноз относительно фоновых изменений глобального политического порядка, социально-политической структуры и легитимирующих их ценностных иерархий современных обществ, связанных с формированием альтернативных ценностно-институциональных оснований в виде рентно-сословного по-

рядка и легитимирующего его модели позднемодерного политического нарратива, в котором растет регулятивная роль дистрибутивных ресурсных обменов и снижается значение рыночных коммуникаций. Это ведет к усилению роли внеэкономических ценностей и регулятивных механизмов, снижению значения ресурсов капитала и труда, росту массового запроса на доступ к политическим рентам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Политический нарратив Модерна первоначально предстает недифференцированной либеральной утопией, призванной описать и легитимировать качественно новое состояние пост-традиционного общества, онтологически связанного со становлением капиталистической миросистемы. В ходе противоречивой и непоследовательной реализации принципов классического либерализма возникает дифференцированное пространство классических современных утопий и идеологий - самонастраивающихся и взаимодополняющих версий ценностных систем, призванных совместить капиталистическую миросистему и социальную регуляцию локальных обществ. Современные идеологии и утопии в основе дифференцированного политического нарратива Модерна, стали гибридными версиями ценностных систем, совмещающих расширяющиеся ценности рынка, конкуренции, личного успеха, накопления капитала с христианскими ценностями милосердия, равенства, братства, взаимопомощи, эгалитарности, область эффективного действия которых сократилась до регуляции преимущественно частных жизненных миров людей, их семей и локальных сообществ.

2. Революция предстает как одновременно легитимирующий и отрицаемый центр идеологических координат политического нарратива Модерна, связанный с обоснованием и регуляцией социальных изменений. По скорости социальных перемен историческую трансформацию современного общества трудно описать иначе, нежели как революцию низкой интенсивности. Вместе с тем эта перманентная модернизация не революционна в том смысле, что периодические расколы элит, перевороты, технологические сдвиги, национально-освободительные движения и т.п. сами по себе не предполагают принципиальных изменений ценностно-институциональной конституции современного политического порядка. Если капитализм, либеральный консенсус и нация-государство как доминирующий формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического нарратива Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму и будут наиболее очевидным способом кристаллизации революционных движений.

3. Первоначально в центре политического нарратива Модерна находилась утилитарно-прогрессивистская ценность справедливости как прогрессивной стратегии расширения возможностей для наибольшего числа людей. Однако позже теории справедливости трансформируются в концепции ремонта позднего Модерна. В перспективе политическому нарративу Модерна потребуется не столько дискурс *ремонта* или излечения от социокультурных *травм* (Дж. Александер), или возврат к *этике добродетели* (А. Макинтайр), или консервация некоей универсальной модели Модерна (Ф. Фукуяма), сколько принципиальная способность к конструированию универсальных этико-политических оснований своего

существования. Принципиально новая постмодерная теория справедливости может возникнуть лишь как составная часть политического проекта, выходящего за пределы Модерна и предполагающего радикальные преобразования общества.

4. Историческое становление и позднейшие трансформации политического нарратива Модерна во многом обусловлены динамическим изменением состава ключевых социальных групп, принципов социальной стратификации и распределения ресурсов. Историческая динамика структуры современного общества меняет представления о большинстве как онтологическом основании политического нарратива Модерна. Произошло несколько исторических возвышений и падений разного большинства внутри меняющейся социальной структуры общества Модерна. Это буржуазия, люди труда, средний класс и все более отчетливо формирующееся рентозависимое большинство. Политический нарратив позднего Модерна постепенно утрачивает потребность в опоре на волю большинства в пользу способов легитимации, где указанное большинство существует уже не столько онтологически, сколько риторически конструируется в дискурсе элит.

5. Ключевые обобщающие понятия нарратива Модерна (демократия, рынок, либерализм и др.) во многом являются глобально воплощенными, что естественным образом приводит к их профанизации (десакрализации) и расколдовыванию. В результате усиливается запрос на поиск политических альтернатив в интересах тех социальных классов, слоев и обществ, которые сталкиваются преимущественно с издержками, эксплуатацией и негативными сторонами глобального развертывания капиталистической миросистемы. В настоящее время экономически интегрированный мир управляется политическими институтами, связанными преимущественно с территориальным контролем. Экономическая интеграция мира значительно опередила политическую и этическую. Универсализация ценностных оснований современного общества лишает убедительных этических оснований политическую логику интересов наций-государств. Возникает запрос на возврат политэкономии как интегративного способа мышления, объединяющего экономические и политические закономерности современных обществ в их прямой взаимосвязи и взаимовлиянии.

6. Модерн как развивающийся нарратив приспособляется к новым вызовам и использует все новые возможности, сохраняя свое ценностное ядро. Различные культурные, постмодернистские, экологические и иные нарративы, противопоставляемые Модерну, не обладают равной с ним степенью универсальности и легитимности в глобальном мире. В частности, постиндустриальные теории оказались слишком поспешно фундированы переоцененными тенденциями общественного развития, которые обернулись новыми политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Постмодернистские теории в итоге были включены в более сложный нарратив позднего или глобального Модерна на функциональных условиях его критического самоописания. Политический нарратив Модерна, несмотря на убедительную и разнообразную критику, остается базовым языком самоописания и легитимации глобальной политической реальности. Несмотря на значительные социальные изменения, существует уверенный консенсус относительно того, что мы все еще находимся в Модерне, будь то

сингулярная современность Ф. Джеймисона, *текущая современность* З. Баумана, *гипермодерн* А. Турена, *космополитический Модерн* У. Бека, концепция *радикального Модерна* Э. Гидденса и т.д.

7. Набирающие силу рентно-сословные трансформации в потенциальной теоретико-методологической перспективе позволяют отказаться от описания большинства современных обществ как отклонений от идеального типа ключевых современных институтов и практик. Решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация позднемодерного общества создает ростки противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвигаемыми на его периферию рыночными группами, утрачивающими доступ к ресурсам и политическое влияние. Данный конфликт будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами.

8. В будущем будет усиливаться релевантность политического нарратива, исходящего из признания растущего объема дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. В социальной структуре позднемодерного общества будет повышаться ценность нерыночных групп, значимых с точки зрения интересов государства. Соответственно, политологический категориальный аппарат в ядре политического нарратива Модерна, сформировавшийся под историческим влиянием западной гегемонии, механизмов либерального согласия, метафоры рынка, ценности демократии и идеи бесконечного экономического роста, все менее соответствует социальной онтологии. Изменения доминирующих факторов стратификации позднемодерного общества обуславливают эволюцию нарратива его самоописания.

9. Глобальный нарратив Модерна постепенно разотождествляется с такими незаменимыми онтологическими признаками, как капиталистическая мир-система и либеральная демократия. Устаревшим категориальным аппаратом мейнстрима политической теории этот процесс описывается как архаизация, откат, возврат к неофеодализму и т.д., хотя на самом деле устарели сами метафоры, понятия и нормативные нарративы, более не релевантные изменившейся политической онтологии позднемодерного общества. То, что в определенной идеологической и моральной перспективе принимается за архаику, патологию или отклонение, становится ядром нового глобального социально-политического порядка.

10. Исторический упадок капиталистической мир-системы требует политических решений, связанных с: а) признанием и легитимацией новой политической онтологии (размывание привычных экономических классов, подъем прекариата и разных меньшинств), б) трансформацией принципов социальной стратификации, в) изменением критериев общественной полезности и условий доступа разных социальных групп к ресурсам. Трансформация политического нарратива Модерна связана с тем, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять принципы социального согласия и распределения доступа к общественным ресурсам в условиях общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства.

11. Все более интенсивное взаимодействие и взаимозависимость человечества на глобальном уровне требуют вслед за мироэкономикой обоснования механизмов мирополитики как прагматической заботы об интересах человечества в целом. Возможная мирополитика аргументирует универсализацию политического, экономического и правового пространства, допуская при этом культурное разнообразие. Ценностная и институциональная интеграция человечества предполагает ослабление географического и политического центрирования, которое будет функционировать скорее не как монополия, но как место сгущения ресурсов, наложения иерархий и сетей в разных областях. Центр будет менее выражен институционально, но больше – ценностно, на уровне общих правил и целей. В глобальной дискуссии по поводу политических ценностей априори более сильны позиции тех игроков, которые могут предложить человечеству предельно эгалитарные, универсальные варианты решений всеобщих проблем. Варианты, исходящие из долгосрочных интересов всего человечества, дающие как можно большему числу людей больший спектр возможностей вместо выгоды отдельных меньшинств, классов, наций, регионов мира и блоков государств. Подобная логика не несет прямые и ощутимые дивиденды субъектам и обществам, которые ее иницируют. Задача мирополитического совершенствования политического нарратива Модерна, разрешающая его внутренние противоречия, может быть связана с более универсальной в сравнении с нацией политической формой организации субъектов разного уровня и ресурсных потоков, а также заботой о будущем, в котором есть достойное место всем. Элементы подобной этики вырабатываются в коммунитарных дискурсах, направленных против издержек иерархической глобализации и роста структурного неравенства.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы для обоснования целевых приоритетов национально-государственной политики в условиях глобального Модерна; осмысления концептуальных особенностей и практик модернизации в разных регионах мира; этической аргументации более универсальных и долгосрочных моделей взаимодействия власти и общества в современной России.

Полученные в ходе исследования результаты имеют практическое значение при разработке стратегических концепций развития России, формировании приоритетов развития ее социально-политической системы и принятии общественно значимых решений в средне- и долгосрочной перспективе. Выводы диссертационного исследования имеют концептуальное значение в области социально-политических наук и политической философии, а также практическую ценность при определении внешних и внутренних приоритетов российской политики, системы государственного управления. Полученные результаты могут быть использованы в учебных курсах и методических пособиях, посвященных мировой и современной российской политической мысли. Материалы исследования могут стать основой для учебных пособий, использоваться в преподавании социально-политических и философских дисциплин в вузах.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования представлялись автором в виде докладов на

международных и российских конгрессах и конференциях, среди которых: Международная междисциплинарная конференция «Стыки модерности: постсоциалистические институты, субъективности и дискурсы в сравнительной перспективе» (Екатеринбург, 23-24 мая 2013 г.); Международная междисциплинарная конференция «Стыки модерности: моральная грамматика в современных обществах». (Екатеринбург, 28-29 апреля 2014 г.); Международная конференция «Философия в публичном пространстве» (Москва, 20 ноября 2014 г.); VII Российский философский конгресс «Философия. Толерантность. Глобализация: Восток и Запад – диалог мировоззрений» (Уфа, 6-10 октября 2015 г.); VII Всероссийский конгресс политологов «Политическая наука перед вызовами современной политики» (Москва, 19-21 ноября 2015 г.); XV ежегодная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество?» (Санкт-Петербург, 12-13 февраля 2016 г.); V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.); Всероссийская конференция с международным участием «Политический порядок и проблема идеологии» (Ростов-на-Дону, 18-19 мая, 2017 г.); XVII ежегодная конференция из цикла «Леонтьевские чтения» «Экономическая теория: триумф или кризис?» (Санкт-Петербург, 16-17 февраля 2018 г.); Международная научная конференция «1917/18/19: Империи и республики. Реакции и рефлексии интеллектуалов» (Екатеринбург, 27-28 марта 2018 г.); X Международная научно-практическая конференция с международным участием «Глобальные и региональные проблемы современности: истоки и перспективы. Восток и Запад» (Екатеринбург, 20 апреля 2018 г.); Международная научно-практическая конференция «Философские контексты современности: принцип ratio и его пределы» (Ижевск, 28-29 февраля 2020 г.); Всероссийская научная конференция РАПН с международным участием «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (Москва, 27-28 ноября 2020 г.); IX Всероссийский конгресс политологов «Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы» (Москва, 16–18 декабря 2021 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразии» (Москва, 16-17 ноября 2022 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 75 научных работ, в том числе 44 статьи в рецензируемых журналах, включенных в Перечень ВАК РФ, 3 монографии и ряд глав в коллективных монографиях.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, двух частей, разделенных на главы и параграфы, заключения, списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности в зарубежной и отечественной литературе, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, сообщается о его теоретико-методологической основе, излагаются полученные в ходе

исследования научные результаты, формулируется теоретическая и практическая значимость работы, сообщается об апробации основных положений и выводов.

Первая часть исследования «**Факторы становления и доминирования политического нарратива Модерна**» состоит из двух глав.

Глава 1 «Возникновение нарратива Модерна и моральная легитимация капиталистической миросистемы» включает два параграфа.

§ 1. Ключевые подходы к нарративу Модерна: сравнительный анализ концептуальных оснований. В параграфе аргументируется мысль, что в основе политического нарратива Модерна лежит необходимость самообоснования качественно нового состояния общества, которое невозможно объяснить с помощью трансценденции или прерванной традиции. Инструментальная рациональность нарратива Модерна возникнет из рефлексии нового состояния общества. Это преимущественно способы легитимации и критического осмысления процессов становления капиталистической миросистемы, связанной с рыночными ресурсными обменов и способами стратификации, инструментальной рациональностью, верой в прогресс и расширение индивидуальных возможностей в интересах большинства. Нарратив Модерна одновременно является и самоописанием, и конструированием общества, постоянно опровергает и воспроизводит сам себя в режиме автопойэсиса как реконструкции и анализа способов релевантного самоописания современного общества, находящегося в состоянии постоянных социальных изменений. Это целый хор коллективных субъектов, которые избавлены от автоматизма традиций и оказываются в ситуации свободной рефлексии себя и других. Отсюда постоянные изменения и интерпретации нарратива, связанные с историческим движением социальных субъектов и условий их воспроизводства. Нет окончательной версии нарратива Модерна и всеобщих закономерностей, раз неокончательна его историческая ситуация. Отсюда неразрешимые проблемы со структурированием Модерна, привычным для закрытых исторических эпох.

Новые моральные, рыночные и демократические практики, объективно развивая науки и образование, города и промышленность, породили целый ряд общественных противоречий Модерна, связанных с классовообразованием, конкуренцией, эксплуатацией, ростом неравенства и регулятивным кризисом традиционной морали. Историческая трансформация современного общества связана с системной дифференциацией и усложнением либерализма как ядра политического нарратива Модерна, превращением его из утопии *третьего сословия* в совокупность классических современных идеологий, составляющих противоречивый либеральный консенсус как неизменный центр идейных координат публичного политического поля современных обществ. Ключевой антиномией либерализма, позволяющей осуществлять его бесконечную самокоррекцию в связи с постоянным изменением ключевых социальных групп, является противоречие между стремлением к автономии и самоузакониванию, связанными с рациональным овладением природой и миром, и признанием приоритетной ценности свободы, которая постоянно ставит под сомнение любые рациональные, универсальные и тотали-

зирующие нарративы. Указанное противоречие в области политического распадается на неизбежную диалектику индивидуальной и коллективной автономии, противоречие методологического, либертарианского индивидуализма и демократических принципов, связанных с признанием приоритетов коллективности и воли большинства. В институциональном измерении эта антиномия выражается в попытках радикализации автономии индивида, основанной на частной собственности и логике интересов государства, существование которого невозможно без ограничения прав частной собственности и автономии индивидов. Таким образом, ценностное ядро нарратива Модерна состоит из ряда взаимосвязанных антиномий и бинарных оппозиций. Каждое современное общество постоянно настраивает сборку ценностного ядра политического нарратива Модерна в виде релятивного соотношения составляющих его ценностных антиномий. Это демонстрирует парадокс *изменчивой неизменности* ценностного ядра политического нарратива Модерна.

§ 2. Политический нарратив Модерна и революция: противоречия легитимации современного политического порядка. В параграфе обосновывается вывод, что революция – это одновременно легитимирующий и отрицаемый центр идеологических координат политического нарратива Модерна. Его историческую эволюцию от раннеиндустриальной, классово-национальной политической формы к позднему или глобальному Модерну по скорости социальных перемен трудно описать иначе, нежели как *революцию низкой интенсивности*. С другой стороны, эта перманентная модернизация неревOLUTIONОННА в том смысле, что периодические расколы элит, цветные революции, элитные перевороты и национально-освободительные движения сами по себе не предъявляют принципиальных требований к изменению ценностно-институциональной конституции политического нарратива Модерна. Соответственно, возможность пост-модерной революции обусловлена потенциальным отказом современного общества от развертывания революции Модерна в пользу альтернативного, утопического политического проекта, обладающего более сильной способностью к политической легитимации, универсализации и тотализации, чем действующая конфигурация социальных сил. Однако если а) капитализм, б) легитимирующий его либеральный консенсус и в) нация-государство как господствующий политический формат их синтеза являются ценностно-институциональной квинтэссенцией политического нарратива Модерна, то именно вызовы свободным рынкам, либерализму и национализму будут наиболее очевидным способом кристаллизации революционных движений. В настоящее время, несмотря на постмодернистскую и неолиберальную критику либерального консенсуса, растущий популизм, постправду, восстание элит и меньшинств, исторические и географические пределы рыночной модели капитализма, изъяны демократии, ослабление социального государства и иные вызовы базовому нарративу позднего Модерна, все они скорее относятся к внутренним трансформациям современных обществ, нежели являются его альтернативой. Предполагается, что в перспективе серьезную (и даже революционную) коррекцию нормативного политического самоописания современных обществ может произвести усиливающаяся рентно-сословная трансформация его ценностно-институциональных оснований.

Глава 2 «Консолидация нарратива Модерна» состоит из двух параграфов.

§ 1. Политический нарратив Модерна в Европе и за ее пределами: моральные истоки, вариативность и неодновременность. В параграфе показано, что в исторической ретроспекции столкновение двух ценностных систем – христианской морали традиционного общества и формирующейся в его недрах иерархии ценностей капитализма – привело к моральному кризису и институциональному переформатированию европейского политического пространства. Выходом из этого коллапса стал исходный политический нарратив Модерна, в основу которого был положен классический либеральный консенсус, призванный легитимировать капиталистическую миросистему. Базовые либеральные идеи естественных прав и свобод граждан, общественного договора, прогресса, движения к более совершенному общественному состоянию и т.д., стали своего рода паллиативом, своеобразным способом примирения христианских ценностей и капиталистической логики развития, во многом строящейся на элиминации данных ценностей. Модерные идеологии и утопии смогли разработать гибридные версии ценностных систем, совмещающие ценности рынка, конкуренции, личного успеха, бесконечного накопления капитала, растущего материального неравенства людей, свойственные возникающим общественным отношениям эпохи капитализма, с христианскими ценностями милосердия, равенства, братства, взаимопомощи, эгалитарности, область эффективного действия которых сократилась преимущественно до регуляции частных жизненных миров за пределами публичной сферы. Подобное разделение приоритетов, своего рода двойные моральные стандарты – преимущественно христианская мораль для частной жизни и капиталистическая для жизни в обществе, и социально-ролевых функций во многом способствовали смягчению, но не преодолению морального дефицита капиталистической миросистемы.

Первоначально секуляризация и территориализация современных общества привела к автономизации и эссенциализации политического в национальных границах. Политическое частично теряет идейный универсализм как основание постоянного стремления к экспансии вовне, универсум политики *заземляется* на определенную территорию, возникает дефицит универсальности, а следовательно, и легитимности ценностей и институтов территориально организованной и в силу этого ограниченной политической общности. В результате трансцендентные основы самоописания буржуазных государств стали черпаться *снизу*, в их национальных, народных, исторических и демократических основаниях – общественное благо, концепции представительства народных интересов, сакрализация *гласа народа*, общественный договор, история, классовые интересы, выборы и иные концепции и механизмы республиканской легитимации политического порядка.

§ 2. Сакрализация и критика ключевых понятий Модерна. Ключевые понятия нарратива Модерна (демократия, рынок, либерализм, права человека и др.) во многом являются глобально воплощенными, что естественным образом приводит к их профанизации (десакрализации) и *расколдовыванию*. В результате

усиливается запрос на поиск политических альтернатив в интересах тех социальных классов и слоев, которые сталкиваются преимущественно с издержками, эксплуатацией и негативными сторонами глобального развертывания капиталистической миросистемы. И смена трансцендирующего нарратива Модерна прямо связана с изменением миросистемы, устроенной подобным образом. Отвергнуть представительную демократию и либеральный консенсус можно, лишь предложив *нового бога политики*. Пока большинство субъектов, ратующих за социальные изменения, не идут далее необходимости инструментальной, точечной или ситуативной *наладки* миросистемы. Тем более что период уточнения, наладки, ремонта и последующего умирания капитализма, демократии и либерализма в основе политического нарратива Модерна может стать бесконечным. Поэтому ситуация стагнации, кризиса или перманентного *разоблачения* не позволяет отнести Модерн к числу закрытых исторических эпох. Наоборот, в политическом измерении нарратив Модерна остается *незавершенным, способным к коррекции, совершенствованию и ремонту*. Таким образом, политический нарратив Модерна, несмотря на убедительную и разнообразную критику, остается базовым языком самоописания и легитимации глобальной политической реальности. Различные культурные, постмодернистские, экологические и иные нарративы, противопоставляемые Модерну, не обладают равной с ним степенью универсальности и легитимности в глобальном мире.

Модерн как развивающийся нарратив приспособливается к новым вызовам и использует все новые возможности, сохраняя свое ценностное ядро. Ключевые исследователи, несмотря на значительные онтологические и институциональные изменения, постоянно наблюдаемые в современных обществах, подчеркивают, что мы все еще имеем дело с нарративом Модерна, будь то *сингулярная современность* Ф. Джеймисона, *текущая современность* З. Баумана, *гипермодерн* А. Турена и Ж. Липовецкого, *космополитический, второй или поздний Модерн* У. Бека, концепция *радикального Модерна* Э. Гидденса, а не с тем, что периодически приходит Модерну на смену, будь то постмодерн, постпостмодерн (А.В. Павлов), новое Средневековье (П. Ханна, У. Эко, Д. Коткин, В. Шляпентох и др.), децентрированная империя (М. Хардт и А. Негри), а тем более разнообразные утопические и фундаменталистские проекты, связанные с отрицанием капиталистической миросистемы и либерального консенсуса, лежащих в основании легитимности нарратива Модерна.

Вторая часть диссертационного исследования **«Глобализация современного общества и попытки нормативно-теоретического преодоления нарратива Модерна»** состоит из трех глав.

Глава 1 «Совершенствование нарратива Модерна и нормативные альтернативы» включает 2 параграфа.

§ 1. Глобализация Модерна: единство против множества. Интенсивная глобализация Модерна при возможной вариативности институциональной реализации в различных регионах мира предполагает сохранение единства его ценностного ядра. Институциональное разнообразие Модерна обусловлено, прежде всего, исторической неодновременностью, а не культурными особенностями предшествующего развития соответствующих регионов.

Поэтому теория *множественной современности*, акцентирующая политическую значимость культурных отличий, является способом концептуального свертывания ценностного нарратива Модерна, стремящегося преодолеть эти различия в более универсальных ценностных и институциональных формах, в пользу более узкого цивилизационного (культурного) контекста. В этой связи теория *множественной современности* на уровне своей методологии и целей парадоксальным образом превращается в попытку деконструкции нарратива Модерна в пользу неоправданно высокого значения, придаваемого в ней уникальности отдельных обществ и их зависимости от предшествующего развития.

§ 2. Постмодерн, постиндустриализм и постматериализм как критика либерального консенсуса. Постмодернизм во многом явился критической интеллектуальной реакцией на изначально оптимистический нарратив Модерна, который не был осуществлен в задуманном виде в глобальном масштабе, а сохраняющееся многоуровневое неравенство и непреодолимые культурные и классовые различия вызвали необходимость объяснения моральных издержек глобализации модернистского проекта. В результате критика реализации принципов и целей Модерна переросла в отрицание самого нарратива Модерна как описания глобального проекта, оборачивающегося тотальным принуждением человечества к всеобщим целям, ценностям и институтам, которые на практике оказались не столь универсальны, как казалось вначале. Все, вытесненное в свое время на интеллектуальную, культурную и классовую периферию Модерна в угоду его тотальности, берет реванш. Но, являясь обратной стороной Модерна, постмодерн лишь переворачивает, но не снимает дуализма бинарных кодов, которыми оперировала модернистская политическая мысль. В итоге патология и норма зачастую лишь меняются местами. Онтологические и культурные тенденции, на которые опирались постмодернистские теории, оказались переоценены и во многом партикулярны и противоречивы. Несмотря на фундаментальность и обоснованность постмодернистской критики *проклятой стороны* современного общества, его ценностей и институтов, постмодернистские теории в итоге были включены в более сложный нарратив позднего или глобального Модерна на функциональных условиях его критического самоописания.

Постиндустриализм и постматериализм как нарративы поздней критики базового либерального консенсуса обрели убедительность в ситуации упадка классической модели индустриального общества и классовой стратификации в странах центра миросистемы. Они были эффективно использованы для профилактики общественного недовольства комплексными процессами, связанными с деиндустриализацией, ростом безработицы, крахом профсоюзного движения, свертыванием социального государства, стагнацией трудовых доходов и т.д. Доминирующие политические силы стали культивировать новую социальную утопию о неизбежном и всеобщем наступлении постиндустриального, постфордистского, информационного общества, опирающегося на *креативные отрасли*. При этом неоправданно широко обобщая частные тенденции в отдельных мировых регионах и отраслях и вынося за скобки реальную структуру мировой экономики в целом. Однако постиндустриальные теории оказались слишком поспешно фундаментализированы партикулярными тенденциями общественного развития, обернувшись

политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Это новейшие инварианты *мифа техники*, который в свое время уже был представлен на разных этапах прогресса утопиями электричества, телеграфа, телевизора, Интернета, роботизации и искусственного разума, предполагавшими радикальное преобразование и *освобождение* человечества на основе очередных технологий. Утопии постфордистского общества оказались отчасти наивно оптимистичными, отчасти возможностью далеко не для всех. В настоящее время теории постиндустриализма, постфордизма, информационного, сетевого или креативного общества во многом являются скорее желаемым образом будущего, чем реальным состоянием даже самых передовых обществ.

На фоне слабых утопических альтернатив сильный практический довод в пользу доминирования нарратива позднего Модерна состоит в том, что никогда еще большинство людей в истории не обладали такими потенциальными возможностями и такой индивидуальной свободой. При этом стремление/желание индивидов и социальных групп воспользоваться этой свободой (либо отсутствие такового), в том числе вопреки *культурной логике позднего капитализма* представляет инструментальную проблему, вполне решаемую *внутри социокультурных настроек* глобального Модерна. Особое значение в становлении нарратива позднего Модерна, помимо завышенных ожиданий от экономико-технологических преобразований, имеет комплекс взаимосвязанных процессов, ведущих к значимой коррекции ценностного ядра нарратива в направлении роста значимости постматериальных мотивов индивидуальных и коллективных стратегий.

Глава 2 «Онтологическая динамика нарратива Модерна» включает три параграфа.

§ 1. Эволюция политической онтологии Модерна: проблема конструирования большинства. Политический порядок Модерна претерпел ряд существенных исторических трансформаций, обусловленных эволюцией источников жизненных ресурсов, принципами их распределения между социальными классами и идеей демократии как власти большинства. Эти изменения определяются исторической динамикой структуры современного общества, меняющей представления о большинстве как онтологическом основании политического нарратива Модерна. Современное большинство практически никогда не бывало статистическим, каждый раз оно целенаправленно создавалось ведущими политическими субъектами в коллективном воображении общества, будучи предметом динамического консенсуса. Его важнейшая политическая функция заключается в том, что к большинству апеллируют как к предельному основанию демократии, образующему ее сакральный центр. Можно выделить несколько исторических констелляций большинства внутри меняющейся социальной структуры общества Модерна – буржуазия, люди труда, средний класс и все более отчетливо формирующееся в условиях позднего Модерна рентозависимое большинство. При этом политический нарратив позднего Модерна постепенно утрачивает потребность в опоре на *волю большинства* в пользу недемократических, элитарных способов легитимации, где указанное большинство существует уже не столько онтологически и субъектно, сколько риторически конструируется элитами.

§ 2. Теории справедливости как способы адаптации нарратива Модерна к общественным противоречиям. В домодерном обществе начала справедливости отождествлялись с Правдой как недифференцированным сакральным тождеством истины и справедливости. Проект Просвещения привел к замещению морального консенсуса традиционного общества договорными теориями справедливости, сменившими религиозные моральные начала политико-правовыми, а бога (монарха) – волей народа-законодателя. Представление о том, что возможности автономного самоустановления общества расширились, в эпоху Модерна служило имманентным источником различия справедливого и несправедливого. В основе политического нарратива Модерна возникла базовая утилитарно-прогрессистская ценность справедливости как стратегии расширения возможностей для наибольшего числа людей. Всякая же оппонирующая ей идеология должна была представить морально убедительную альтернативу этой этике.

В настоящее время повышенный интерес к справедливости обусловлен тем, что она является способом самокоррекции и исторической герметизации политического нарратива позднего Модерна. Усиливающиеся призывы к *ремонту* и *совершенствованию* Модерна, особенно со стороны различного рода меньшинств, указывают на то, что этот исторический проект в основных чертах реализован. Тем самым теория справедливости через критику отдельных недостатков выполняет функцию легитимации, приобретает популярность как *теория ремонта* позднего Модерна, когда сам нарратив по большому счету уже исчерпан. Фукуямовский *конец истории* оборачивается именно теорией справедливости. Однако принципиально новая теория справедливости может возникнуть лишь как составная часть политического проекта, выходящего за пределы нарратива Модерна и предполагающего довольно радикальные преобразования общества. В перспективе *иного будущего* человечеству потребуются не дискурс *ремонта* или *консервации* некой универсальной модели Модерна, а *сам новый нарратив*. А когда этот проект начнет реализовываться и воплощаться – тогда в свою очередь и его потребуются ремонтировать. Именно тогда возникнет и принципиально новый немодерный дискурс справедливости.

§ 3. Изменение социально-политической структуры как вызов позднему Модерну. Глобализированный нарратив Модерна постепенно разотождествляется с такими нормативными признаками как капиталистическая миротсистема и либеральная демократия. Устаревшим категориальным аппаратом мейнстрима политической теории этот процесс описывается как архаизация, откат, возврат к неофеодализму и т.д., хотя на самом деле устарели сами метафоры и понятия, более не релевантные изменившейся политической онтологии позднемодерного общества. То, что в определенной идеологической и моральной перспективе принимается за архаику, патологию или отклонение, возможно становится ядром нового социально-политического порядка.

Изменения доминирующих факторов стратификации позднемодерного общества закономерно обуславливают эволюцию нарратива его самоописания. Трансформация и возможный упадок капиталистической миротсистемы опреде-

ляет неизбежную коррекцию ценностей и механизмов поддержания политического порядка позднемодерных обществ. Риторические попытки найти выход из кризиса с помощью стабилизирующей идеологии среднего или креативного класса окончились неудачей. Технологическая автоматизация и роботизация наполняют общество *лишними людьми*, одновременно превращая его в *общество без массового труда*, но с растущими опасными классами (прекариат, безработные, разнообразные меньшинства). Обнаружение ресурсных пределов свободных рынков ведет к росту протекционизма и национализма, формированию тенденций замены механизмов рыночной конкуренции политическим, силовым переделом рынков и ресурсных потоков. Одновременно наблюдается кризис модели социального государства, где истощению его ресурсной подпитки сопутствует рост рентозависимых групп.

В результате формируется рентный или распределительный политический порядок, в котором рыночные коммуникации постепенно теснятся иерархическими моделями дистрибутивных обменов, а социальная стратификация и представления о должном политическом порядке все сильнее зависят не от рыночного классовообразования, а от доступа граждан и социальных групп к распределению рентных ресурсов, формируя усиление рентоориентированного поведения как общезначимой нормы. Коллективное поведение, связанное с поиском гарантированных статусных рент или политически определяемых преимуществ, все чаще становится более выгодной стратегией, чем рискованная предпринимательская деятельность или стремление занять выгодные позиции на рынке труда. Дрейф к модели *рентной* или *распределительной демократии* обусловлен тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением ресурсов, минуя рынок. Ее особенность заключается в том, что за доступ к ресурсам все чаще конкурируют не экономические классы, а этатистские сословия; распределение ресурсов все чаще переходит от рынка к государству. Конкуренция осуществляется по критериям не рыночной ценности, но полезности для государства. В модели рентной демократии успехом является повышение статуса социальной группы в иерархии как условие расширения ресурсного доступа. Однако, решая накопившиеся структурные противоречия и формируя новые влиятельные социальные группы, рентная трансформация позднемодерного общества создает и ростки противоречий между новым сословно-рентным ядром общества и отодвигаемыми на его периферию рыночными группами, медленно утрачивающими политическое влияние.

Новая стратификация позднемодерного общества и соответствующая ему эволюция нарратива Модерна будут определяться не столько рыночными взаимодействиями, сколько властно-политическими возможностями доступа социальных групп к разнообразным видам ресурсов (капиталов, активов, рент), распределяемых иерархически. Данный конфликт в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами позднемодерного общества, а также способствовать формированию новых реалий, описываемых рентным сдвигом государства, демократии и рынков.

Глава 3 «Трансформация нарратива Модерна: от мироэкономики к мирополитике» включает три параграфа.

§ 1. Политические последствия упадка капиталистической миросистемы. Капиталистическая миросистема и как историческое явление, и как онтологическая основа политического Модерна переживает *кризис кризисов*, т.к. все предыдущие способы разрешения противоречий капитализма, связанные с его географической экспансией, новыми потребностями и рынками сбыта, обновляемыми технологиями, коммодификацией всех сфер общественной жизни и производством финансовых пузырей, достигли естественных пределов. Выход из кризиса уже не может быть только экономическим, поскольку в таком случае лишь отсрочит и усугубит структурные противоречия классов, рынков и регионов очередным финансовым крахом и/или пространственной переброской эпицентра кризиса по центр-периферийной модели мироэкономики. Исторический упадок капиталистической миросистемы требует политических решений, связанных с: а) признанием и легитимацией новой политической онтологии (размытие привычных экономических классов, подъем прекариата и разных меньшинств), б) трансформацией принципов социальной стратификации, в) изменением критериев общественной полезности и условий доступа разных социальных групп к ресурсам.

Трансформация политического нарратива Модерна связана с тем, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять принципы социального согласия и распределения доступа к общественным ресурсам в условиях общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства. При этом политические форматы наций-государств обеспечивают все меньше возможностей для все более уязвимог большинства в условиях нарастающих неравенств рыночного социального порядка. Представляется, что альтернативное ядро политического нарратива Модерна в виде обоснования модели рентного доступа, связанного с дистрибутивными обменовми, безусловным доходом и признанием внеэкономической ценности каждого человека будет иметь все больше ценностных и институциональных преимуществ по мере исчерпания возможностей экспансии свободных рынков и стратегии тотальной коммодификации общественных отношений.

§ 2. Кризис западного мейнстрима в политическом нарративе Модерна. Политологический категориальный аппарат в ядре политического нарратива Модерна, сформировавшийся под историческим влиянием западной гегемонии, механизмов либерального консенсуса, метафоры рынка, ценности демократии и идеи бесконечного экономического роста, все менее соответствует социальной онтологии. Набирающие силу рентно-сословные трансформации современных обществ в потенциальной теоретико-методологической перспективе позволяют отказаться от описания большинства современных обществ как отклонений от идеального типа модерной демократии – демократии управляемой, ограниченной, заблокированной, суверенной, авторитарной, незавершенной, дефективной, фасадной, «демократуры» и пр. И, соответственно, от не менее патологичных моделей модерного экономического порядка как капитализма государственного, олигархического, оффшорного, корпоративного, компрадорского, сырьевого,

экстрактивного и прочих разновидностей. Вместе с тем возникает возможность рассмотреть, как, почему, с помощью каких механизмов и в чью пользу исторически меняется иерархия распределения ресурсов на глобальном, национальном, классовом и иных социальных уровнях и измерениях.

В подобном прагматическом контексте альтернативные рыночные, демократические, либеральные теории должного общества обнаруживают неустранимый заряд прогрессорства и идеологических морализаций в контексте западно-центричной модели философии истории. Представляется, что в будущем будет усиливаться релевантность версии политического нарратива, исходящего из признания растущего в актуальных обществах господства дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. В социальной структуре позднемодерного общества будет повышаться ценность нерыночных групп, значимых с точки зрения интересов государства (чиновники, силовики, бюджетники и т.д.). Будет расти и значение новых групп, занятых производством разного рода услуг, завязанных на отношениях между людьми, которые не сводятся полностью ни к отношениям на рынке, ни к контролируемому государством распределению ресурсов. Наконец, в настоящее время в контексте коррекции политического нарратива Модерна активно совершенствуются популистские политические риторики, направленные на обоснование локальных сословно-корпоративных добродетелей в противовес универсальной морали *большого общества*. Эти добродетели становятся основанием для привилегированного, эксклюзивного доступа к общественным ресурсам для отдельных социальных групп, например, в виде признания их персональных преимуществ (аристократия, меритократия), политической *капитализации* реальных или воображаемых исторических и социокультурных травм, а также поводом для отказа в рентном доступе другим группам (мигрантам, негражданам, безработным, самозанятым и т.д.).

§ 3. Проблема морально-политических изменений позднемодерного нарратива. По мере исторического исчерпания импульса капиталистической миросистемы вера в возможность равного развития *всех* стран и народов была подорвана. В условиях роста глобального неравенства усилились локальные, ограниченные вариации модерного нарратива, адресованные индивидам или отдельным обществам. Они исходят из существовавших еще до Модерна ценностей права на жизнь, свободу и собственность, дополненных риторикой коллективных прав национально-культурных общностей, привилегий меньшинств, социальных прав, понимаемых как права на доступ к потреблению каких-либо благ, и т.д. Такого рода этика передела и установления иерархии доступа к благам и возможностям имеет все меньше общего с начальным либеральным проектом управления человечеством собственной судьбой, превращаясь в девальвирующий ценности Модерна популизм. Поэтому и либеральная идеология, и позднейшая социалистическая утопия в основе нарратива глобального Модерна испытывают нарастающую критику, в связи с их расширяющимся несоответствием реальным политическим порядкам, ценностям и критериям принятия политических решений.

Таким образом, возникает явная потребность в обновлении глобального нарратива Модерна и его моральных оснований, способных компенсировать накопленные неравенства и невыполненные обещания либерализма. Без этого не может появиться жизнеспособных политических идеологий и утопий, которые одновременно являются и обосновывающими этическими дискурсами для политической практики. Будущее позднемодерного общества все чаще предстает в контексте проблемы морально-политических изменений, фиксируемых в утопическом нарративе космополитического Модерна. Это замысел эгалитарной утопии в интересах всего человечества, взамен не оправдавшего ожиданий значительной его части базового либерального консенсуса, во многом так и не вышедшего за пределы классов и наций-государств. Варианты дальнейшего развития политического нарратива Модерна уже присутствуют в нем самом, но их реализация связана с осознанием новых политических субъектов, желанием социально-политических перемен, политическим проективизмом, планами изменения миросистемы в целом и лишь как следствия – отдельных политических сообществ.

В **Заключении** подводятся итоги и формулируются ключевые выводы диссертационного исследования, обосновывается его теоретическая и практическая значимость для политической науки.

III. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень ВАК

1. Мартьянов В.С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны Модерна» // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 147-157. (К1)
2. Мартьянов В.С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 61-73. (К1)
3. Мартьянов В.С. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2. С. 94-109.
4. Мартьянов В.С. Пиррова победа демократии // Космополис. 2007. № 1. С. 110-120.
5. Мартьянов В.С. Россия в меняющемся мире // Свободная мысль. 2007. №6. С.7-22.
6. Мартьянов В.С. Россия после модерна // Космополис. 2007. № 3. С. 48-57.
7. Мартьянов В.С. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная перспектива? // Логос. 2008. № 1. С. 32-47.
8. Мартьянов В.С. Парадигмы российской политологии // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2009. № 1. С. 167-181. (К1)
9. Мартьянов В.С. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. 2009. № 4. С. 82-90.
10. Мартьянов В.С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 230-248. (К1)

11. Мартьянов В.С. Космополитическая империя: транснациональный проект для постсоветского пространства // Свободная мысль. 2009. №7. С. 51-66.
12. Мартьянов В.С. Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2009. № 4. С. 61-74. (К1)
13. Мартьянов В.С. В поисках парадигмы позднего Модерна // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2010. № 10. С. 135-148. (К1)
14. Мартьянов В.С. Один Модерн или «множество»? // Полис. Политические исследования. 2010. № 6. С. 41-53. (К1)
15. Мартьянов В.С. Идея свободы как утопия Модерна // Свободная мысль. 2010. № 6. С. 67-82. (К2)
16. Мартьянов В.С. Инволюция элиты в обществе Модерна // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6, № 3. С. 34-56.
17. Мартьянов В.С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2010. № 3-4. С. 54-65. (К1)
18. Мартьянов В.С. Глобальный Модерн: от мироэкономики к мирополитике // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 80-89. DOI: 10.20542/0131-2227-2012-6-80-89. (К1)
19. Мартьянов В.С. После постмодернизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 3. С. 64-73. (К3)
20. Мартьянов В.С. Модерн продолжается? // Полис. Политические исследования. 2012. № 3. С. 108-122. (К1)
21. Мартьянов В.С. Этические основания российской модернизации // Россия и современный мир. 2013. № 3. С. 47-57. (К1)
22. Мартьянов В.С. Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 83-98. (К1)
23. Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // СОЦИС. Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139-148.
24. Мартьянов В.С. Креативный класс – креативный город: реальная перспектива или утопия для избранных? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 41–51. (К1)
25. Мартьянов В.С. Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т. 16, № 3. С. 41-60. (К1)
26. Мартьянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 81-99. (К1)
27. Мартьянов В.С. Прощай, средний класс // Свободная мысль. 2016. № 5. С. 53-70. (К2)
28. Мартьянов В.С. Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 165-176.

29. Мартьянов В.С. Политические пределы homo economicus // *Общественные науки и современность*. 2017. № 2. С. 104-118. (К1)
30. Мартьянов В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? // *СОЦИС. Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 141-153.
31. Мартьянов В.С. Политическая онтология Модерна: в поисках ускользающего большинства // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2017. № 1. С. 107-126. (К1)
32. Мартьянов В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. 2017. Т. 17, № 1. С. 61–82. (К1)
33. Мартьянов В.С. Сети и иерархии городов в глобальном мире: модернизационный потенциал и пределы экспансии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 6. С. 57–66. (К1)
34. Martianov V. Apologia of Modernity // *Changing Societies & Personalities*. 2017. Vol. 1. No. 2. P. 152-168.
35. Мартьянов В.С. Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к рентоориентированным меньшинствам // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 3 (43). С. 181-190. (К2)
36. Мартьянов В.С. Глобальный упадок капитализма: политические последствия // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2018. № 4. С. 140-161. (К1)
37. Мартьянов В.С. Понятийный кризис западного мейнстрима // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2020. № 2. С. 19-31. (К2)
38. Мартьянов В.С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // *Дискурс-Пи*. 2020. №4 (41). С. 54-67. (К2)
39. Мартьянов В.С. Модерн и революция // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2020. № 3. С. 6-33. (К1)
40. Мартьянов В.С. В поисках другого мейнстрима // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 112-131. (К1)
41. Мартьянов В.С. COVID-19 и контуры «новой нормальности» позднемодерных обществ // *СОЦИС. Социологические исследования*. 2022. № 3. С. 135-146.
42. Мартьянов В.С. Генезис и ценностно-институциональная эволюция Модерна // *Антиномии*. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 42–71. (К1)
43. Мартьянов В.С. Шанс России на обновление глобальной Современности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 1. С. 56-67. (К1)

Монографии

44. Мартьянов В.С. *Метаморфозы российского Модерна*. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 344 с. ISBN 5-7691-1871-7.
45. Мартьянов В.С. *Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике*. М.: РОССПЭН, 2010. 360 с. ISBN 978-5-8243-1334-5.

46. Мартьянов В.С. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с. ISBN 978-5-7598-1913-4. (в соавторстве с Л.Г. Фишманом, Д.А. Давыдовым, авторское участие – 50%).

Главы в коллективных монографиях

47. Мартьянов В.С. «Гражданское общество» и конец классово-идеологического Модерна // Судьбы гражданского общества в России: в 2 т. Т 2: Современные аспекты концептуального осмысления проблем гражданского общества. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. С. 259-274. ISBN 5-7691-1475-4.
48. Мартьянов В.С. Эволюция идентичности в политическом проекте Модерна // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 307-331. ISBN 978-5-8243-1640-7.
49. Мартьянов В.С. Экстремизм как моральный вызов: стратегия деуниверсализации Модерна // Экстремизм как цивилизационный вызов / Под ред. В.Ш. Сабирова. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2012. С. 73-88. ISBN 978-5-7795-0615-1.
50. Мартьянов В.С. Постфордизм: научная теория или новейшая социальная утопия? // Постфордизм: концепции, институты, практики / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартьянова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 52-78. ISBN 978-5-8243-1995-8.
51. Мартьянов В.С. Трансформация ценностного ядра позднемодерных обществ: перспективы расширения внеэкономической регуляции // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 45-61. ISBN 978-5-8243-2067-1.
52. Мартьянов В.С. Антимодерный консенсус и перспективы перезапуска российского Модерна // Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / Под ред. В.С. Мартьянова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 176-187. ISBN 978-5-8243-2067-1.
53. Мартьянов В.С. Современность; Политическая нация; Социальная стратификация и идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 304-311; 399-404; 545-551.

Другие публикации

54. Мартьянов В.С. Современность не для всех // Политический журнал. 2006. № 25-26. С. 26-29.
55. Мартьянов В.С. Политика в поисках трансцендентного // Прогнозис. 2007. № 2. С. 334-339.
56. Мартьянов В.С. Трансформация языка социально-политических наук: от знания-власти к нарративу // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. № 7. С. 192-203.

57. Мартьянов В.С. Политическая концепция Модерна в условиях морального коллапса // Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы: материалы V Всероссийского конгресса политологов (Москва, 20-22 ноября 2009 г.). М.: РАПН, 2009. С. 277-278.
58. Мартьянов В.С. Пути в глобальный Модерн // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 25-26 октября 2010 г.). Екатеринбург АМБ, 2010. С. 143-149.
59. Мартьянов В.С. Ремодернизация российского модерна: теория, практика и/или риторика? // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 338-355.
60. Мартьянов В.С. Тезисы об эволюции политической концепции модерна // Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 16-17 декабря 2010 г.). Минск: Право и экономика, 2011. С. 282-284.
61. Мартьянов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция? // Идентичность как предмет политического анализа: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (Москва, 21-22 октября 2010 г.). М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 36-42.
62. Мартьянов В.С. Контуры постнациональных идентичностей в глобальном Модерне // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 2. С. 24-33.
63. Мартьянов В.С. Ценностные основания глобального модерна: постматериальный тренд // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем: материалы Международной научной конференции (Минск, 15-16 ноября 2012 г.). Минск: Право и экономика, 2013. С. 238-239.
64. Мартьянов В.С. Политическая парадигма Модерна: эволюция ценностно-институциональных обоснований // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы Всероссийской научной конференции (Екатеринбург, 17-18 июня 2013 г.). Екатеринбург: АМБ, 2013. С. 331-342.
65. Мартьянов В.С. Города в глобальном Модерне: противоречия развития и утопии постиндустриализма // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы XVII Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (14-15 апреля 2014 г.): в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. С. 38-43.
66. Мартьянов В.С. Расширение доверия как политическое условие поздней современности // Человек в условиях модернизации XVIII-XX вв.: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Екатеринбург, 24-25 июня 2015 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 373-379.
67. Мартьянов В.С. Радикализация Модерна как глобальная политическая перспектива // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: материалы VII Российского философского конгресса (Уфа, 6-10 октября 2015 г.): в 3 т. Т. 2. Уфа: БашГУ, 2015. С. 338-339.
68. Мартьянов В.С. Наше неэгалитарное будущее: контуры общества без среднего класса // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: материалы V Всероссийского социологического конгресса

(Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.). М.: Российское общество социологов, 2016. С. 9210-9218.

69. Мартьянов В.С. Модель экономического человека в контексте позднего Модерна: от экономической методологии к политической идеологии? // Экономическая теория и политология: игнорирование, конкуренция или сотрудничество?: научные труды Юбилейной XV ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения». СПб.: Леонтьевский центр, 2016. С. 144-161.
70. Мартьянов В.С. Расширение доверия как фоновое условие второго Модерна // Социодинамика. 2016. № 3. С. 16-22.
71. Мартьянов В.С. Политический порядок Модерна в контексте рентной трансформации капитализма // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 54-66.
72. Мартьянов В.С. Капитализм, рента и демократия // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 1. С. 51-68.
73. Мартьянов В.С. Глобальный поворот политологического мейнстрима // Траектория политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН с международным участием (Москва, 6-7 декабря 2019 г.). М.: МПГУ, 2019. С. 244-245.
74. Мартьянов В.С. Пределы капитализма и рентное общество как глобальная альтернатива // Журнал институциональных исследований. 2020. Т. 12, № 4. С. 18-33.
75. Мартьянов В.С. Федерализм как компенсаторная политическая форма Модерна // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР). Отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск: изд. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. 2022. С. 70-74.